

шим образом следить, чтобы Фрелинг, унаследовавший через своего тестя от шведской короны широкие привилегии, впредь не печатал ничего, кроме библии и книг, употребляемых в церквях, и для обучения в школах.¹ По сути дела это есть применение к рижской лютеранской почве того, что установил Верховный тайный совет в отношении Синода в 1727 г.: тогда Синод лишен был права «новое» печатать без разрешения Верховного тайного совета и мог заниматься изданием только текстов культового назначения и учебных книг, которые набирались славянскими литерарами. Нужно подчеркнуть, что и слово «новое» могло обнимать не только то, что никогда еще не печаталось в России, но и то, что не выходило из-под станков московского печатного двора. Лишь в 1743 г. повелено было все религиозные книги издавать с апробации Синода. Но гражданские и прочие всякие к церкви не принадлежащие книги, как указывалось в этом же самом повелении, разрешал к печати сам правительствующий Сенат.² Лишь в 1747 г. в § 26 Регламента Академии Наук устанавливалось: «. . . никакая книга в печать отдана быть не может, пока вся не прочитана по листам в собрании перед всеми академиками или от тех, кому сие поручено будет от президента. И для того при начале книг всегда печатать апробацию за подписанием президента и контрассигнацией конференц-секретаря».³ Таким образом все десятилетие 1747—1756 гг. (до открытия типографии при Московском университете) Академия Наук является фактическим всероссийским цензором «общепользных гражданских книг», поскольку больше нигде их не принимали к печати. Седьмое предложение полковника Мельгунова для нас, на расстоянии 180 лет, не только поразительно смелостью его равняться на Академию Наук, но и в высшей степени важно как новое доказательство того, что существовали на виду в рукописном виде непереводаемые сочинения русских писателей или авторов, заслуживавшие быть напечатанными. Самой острой и опасной темой этого времени был вопрос о конституционном ограничении императорской власти. Из жалоб С. Волкова в Сенат видно, что российскому дворянину «страшно» подумать что-либо противное вере православной и самодержавию, а Тауберт из Академии Наук как раз в этом и обвинял переведенную С. Волковым III книгу «Универсальной истории» Боссюэта.⁴

Как старый и опытный сановник, Юсупов не дал совсем никакого ответа относительно печатания непереводаемых сочинений, а разрешил принимать на цензуру только переводы с иностранных языков, очевидно, в какой-то степени будучи уверен, что иностранцы в своих изданиях далеко будут стоять от русских злобо-

¹ Сборник РИО, т. 104, стр. 73—74.

² Материалы для истории Академии Наук, VII, 341.

³ Полное собрание законов, т. XII, № 9425.

⁴ Чтения в Московском обществе истории и древностей российских, 1859, II, 153.